

НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Артем КАМЕНИСТЫЙ

S-T-I-K-S

ЧЕЛОВЕК С КОТОМ

**МОСКВА
2016**

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К18

Разработка серийного оформления *В. Матвеевой*

В оформлении переплета использована работа
художника *О. Юдина*

Каменистый, Артем.

К18 S-T-I-K-S. Человек с котом : [фантастический роман] / Артем Каменистый. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 480 с. — (Новый фантастический боевик).

ISBN 978-5-699-91976-5

Неведомая и безжалостная сила вырывала фрагменты различных миров вместе с их обитателями и складывала из них чудовищный пазл в мире Улья. Большинство новичков, людей и животных, превращались в зомби и кровожадных монстров. Лишь немногие счастливчики, среди которых оказался и Карат, становились иммунными. На долю этого рейдера выпало немало невзгод и жесточайших схваток. Но внутреннее благородство, помноженное на мужество, помогало ему бороться с предательством окружающих и выходить победителем из самых невероятных ситуаций. А впереди ожидали новые испытания и новые удачи...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Каменистый А., 2016
© Оформление. ООО «Издательство
«Э», 2016

ISBN 978-5-699-91976-5

Глава 1

Мертвяк неловко перевалился через высокий забор из металлической сетки и еще в полете начал многообещающе урчать. Чуть повернувшись, Карат вжал в плечо пятку приклада, передернул цевье, потянул за спусковой крючок. Но ничего не последовало, вообще ничего, не было даже звука удара бойка по капсюлю, что можно услышать при осечке.

Ноль реакции.

Похолодев, Карат дослал в ствол новый патрон, вновь попытался выстрелить, и опять без результата. Урчащая тварь уже тянула к нему морщинистые руки со скрюченными пальцами, вот-вот и уродливые ладони сомкнутся на шее. Нет возможности уклониться, и он никак не успеет решить проблему со странно закапризничавшим оружием, ведь у него не осталось даже жалкой секунды, чтобы хотя бы меч выдернуть из ножен, он бесполезно болтается за спиной. И убежать не получится, тварь хоть и не самая опасная, но шустрая, на открытой местности легко догонит.

Хотя выход все же есть. Карат ведь изменился, он теперь не такой, как прежде, и умеет растянуть мгновение так, что даже капли дождя станут двигаться немногим быстрее улиток. Надо всего лишь чуть напрячься, представить, что шевелишь ушами. Чудной

метод, подсказанный Чтецом — юным знахарем, но на удивление действенный, срабатывает безотказно.

Карат напрягся так, что лицо сморщилось, а его неподвижные уши зашевелились на самом деле, чего прежде ни разу не случалось.

Даже нет, не зашевелились — они замахали, будто крылья бабочки. Но миг не застыл, не стал растягиваться, и перед лицом распахнулась неправдоподобно широкая пасть мертвяка. Она оказалась так близко, что можно было разглядеть немаленькие ключья застрявшего меж зубов кровоточащего мяса. Похоже, тварь только что позавтракала живой добычей, но явно не наелась.

Вскрикнув от отчаяния, Карат рванулся в сторону, пытаясь уйти в прыжке и понимая, что ничего из этого не выйдет, никак не успеть, монстр тоже сильно изменился, слишком быстрый, догонит в два счета. При этом попытался еще раз напрячь уши, активировать наконец спасительный дар Улья. Усилие оказалось чрезмерным, в голове оглушительно щелкнуло, и Карат отчетливо понял, что все пропало, это конец, он теперь такой же слабак, каким был в первые дни новой жизни. Больше никогда не сможет останавливать время, его бесценное умение необратимо сломалось.

Странно, но ужас от осознания этого факта многократно превысил тот, который он испытывал от неизбежности тесного знакомства с развитым зараженным. Страх, отчаяние, паника захлестнули его с такой силой, что в глазах потемнело, а затем по глазам ударило ярким светом, он оказался в совершенно другом месте, уютном и безопасном. Но ему все еще мерещилось, что продолжает лететь, вытянувшись в прыжке, тело невольно дернулось,

с болью, с трудом покатилося было к краю узкой койки, но вовремя остановилось, подчинившись голосу разума.

Это всего лишь дурной сон. Один из многих естественно реальных и одновременно абсурдных кошмаров, которые одолевают его в последние дни.

Обессиленно развалился на спине, уставившись в потолок, белоснежность которого нарушалась лишь черным глазком крошечной камеры, уставившейся вниз.

Скрипнула дверь, мелодичным голосом осведомились:

— Карат, опять кошмары?

Это милашка Грета — из всех, кого он здесь видел, она самая приятная. Хотя если говорить честно, у нее пока что нет конкуренток, сравнивать можно лишь с неряшливым толстяком Джинсой и молчальником Краповым. Никого другого Карат здесь до сих пор не видел. От Шуста он знал, что в этом стабе должно проживать на порядок больше людей, чем в ныне разгромленном Кумарнике, но так уж получилось, что сюда он попал в беспамятстве, в себя пришел уже в отдельной больничной палате, за ее стены хода не было, да и не очень-то побродишь на искалеченных разрывом гранаты ногах.

Чуть скосил голову. Грета заглянула одна, остальных его сновидения не очень-то интересовали. Ну да, далеко не VIP-пациент, нет смысла устраивать столпотворение вокруг рядового бродяги Уля.

— Приснилось, что ты подстриглась под мальчика. Худший из всех кошмаров, после такого я точно поседею.

Грета улыбнулась улыбкой женщины, которая знает себе цену. Симпатичная, лет двадцати семи,

но в Улье нельзя ориентироваться по внешнему виду, так что на деле ей может оказаться куда больше. Главное украшение — огненно-рыжие роскошные волосы, опускающиеся гораздо ниже лопаток. Чтобы держать такую шевелюру в идеальном порядке, ей, должно быть, приходится каждый день тратить уйму времени. Но это того стоит, результат трудов выглядит так эффектно, что на все прочее смотришь уже без придиристости. То есть ей приходится идти на некоторые жертвы ради того, чтобы ее самая сильная сторона оставалась столь же сильной, и намек Карата приятен.

Но развивать тему не стала, спросила с напускной строгостью:

— Опять зараженные чуть не разорвали?

— Ага. Мертвец ходячий подвернулся. Прыткий, а ружье почему-то не захотело стрелять.

— Вообще-то ходячих мертвецов не бывает. Их можно называть мугантами или просто измененными зараженными.

— Вообще-то по факту мы тоже зараженные, так что это слово использовать неудобно, как бы и себя к ним относишь, а я этим образинам точно не родня.

— Кто тебе сказал такую чушь?

— Не понял, о чем ты?

— О том, что нас можно относить к зараженным.

— Но ведь это так и есть, ведь все, кто сюда попадают, быстро заражаются при дыхании местным воздухом. Одни зараженные теряют разум и постепенно превращаются в чудовищ, другие остаются нормальными. Ну... почти нормальными. Какая же это чушь?

— Конечно, чушь. Если тебе сделают прививку от дифтерии, ты будешь считаться заболевшим дифтерией? Разумеется, нет. Так и здесь — они зараженные, а мы иммунные, не надо нас путать.

— Я говорю так, как мне рассказали.

— Тот, кто тебе это рассказывал, был неправ. Вы, рейдеры, любите все путать и размешивать с ерундой. Есть общепринятая терминология, отклонения от нее ты можешь заметить, лишь забравшись подалеже от нашего стаба. Причем забираться придется очень далеко.

— У тебя свои термины, у народа попроще свои. Мы стараемся не умничать.

— Вот это и печально, у нас и без ваших дурацких выдумок хватает путаницы. Кроме как на кошмары жалобы есть?

— Только одна: долго мне еще эти кошмары терпеть?

— Стандартная реакция на регенерационную нагрузку. У тебя полностью или частично отсутствовали несколько мышц на ногах, а некоторые нам пришлось удалить, так было проще работать. К счастью, кости уцелели и поломаны лишь на стопах, но все равно ранения серьезные, мы вынуждены были форсировать регенерацию по всем направлениям. Для психики это не осталось незамеченным, отсюда и кошмары. Как только ты полностью восстановишься, мы перестанем напрягать твой организм. Смена обстановки тоже может помочь.

— И долго мне еще ждать?

— Трудно сказать. Ты восстанавливаешься быстро, но, с другой стороны, мы не можем контролировать процесс полностью, ты какой-то закрытый,

ни я, ни два других наших знахаря не смогли тебя просветить полностью. Так что ты — загадка, с тобой ни в чем нельзя быть уверенным. Но если все будет идти так же, как идет, уже через два-три дня восстановление завершится.

— Так быстро?

— Ну, мелкие последствия останутся, но с ними ты сможешь справиться и без нашей помощи. То есть больничный режим не понадобится.

— Хорошо бы. Скучновато тут у вас. Ни компа, ни телика, будто в тюрьму попал.

— Посторонние впечатления вредят восстановлению, здесь очень важна сосредоточенность, тебе это уже объясняли.

— А Шуст говорит, что это суеверия.

— Это доказанный медицинский факт. Чем меньше источников раздражения, тем быстрее идет восстановление. Мы ведь с тобой уже это обсуждали.

— Я помню, но все равно неприятно. Еще немного, и начну в потолок выть, тоска беспросветная, спасибо, что хоть ты со мной иногда разговариваешь.

— Ты в клинике единственный мой коллега, престоупно такого игнорировать.

— Коллега?

— Я о том, что ты пациент со стороны, я нанята по контракту тоже со стороны. Ни у тебя, ни у меня нет местного гражданства, так что в чем-то мы коллеги.

— Что за гражданство?

— Привыкай к цивилизованным стабам, во многих из них действует система гражданства, местами она строгая.

— Паспорта дают? — ухмыльнулся Карат.

— И паспорта в том числе, — вполне серьезно ответила Грета.

— Не шутишь?

— Какие тут могут быть шутки? Без паспорта или оформления вида на жительство ты ограничен в правах. Тебя даже не впустят в некоторые развлекательные заведения. Сложности почти во всем, и некоторые могут довести до бешенства.

— Например?

— Ну... Ты не можешь носить с собой заряженное оружие, да и незаряженное не разрешено проносить в центральный район.

— Бред какой-то. Как можно в Улье оставаться без оружия?

— Здесь, в городе, абсолютно безопасно.

— В Кумарнике тоже так говорили, в итоге я там чуть не остался без ног.

— Здесь иначе. Здесь все иначе. Этот стаб не так велик, как многие, но в нем сложно получить гражданство. К тому же этого мало, полным гражданином можно стать лишь спустя три года, и это звание надо еще заслужить.

— Для Улья — многовато лет.

— Если устроиться так, как я, на спокойном месте, почти без выходов, это несложно. И выгодно, ведь полный гражданин имеет право на собственный дом, бесплатную медицину, обеспечение основных личных потребностей. Да там длинный список. А еще есть привилегированные граждане и элита, но туда простым людям вообще нереально попасть.

— Да тут прямо-таки кастовая система.

— Хорошо сказал, — почему-то нахмурилась Грета. — Касты. Настоящие касты. Кто успел в самом

начале попасть в нужный список, теперь живет, не зная горя. Кто не успел, уже не успеет. У тебя точно нет других жалоб?

— Все то же самое — скучно.

— Если тебя развлекают разговоры, могу слегка обрадовать.

— Чем? Решила поболтать подольше?

— Не совсем. Речь идет о другом собеседнике.

— Надеюсь, ты не о Краповом? Я не уверен, что эта каменная статуя умеет говорить.

— Я тоже, — улыбнулась Грета и серьезным тоном добавила: — В стабе есть что-то вроде своей службы безопасности. К новеньким у них особое внимание, сам понимаешь, и с тобой хочет пообщаться один из сотрудников. После того что случилось в Кумарнике, ты многим интересен.

— Шуст говорил, что его уже обо всем расспросили двадцать раз.

— А теперь твоя очередь.

— И когда состоится этот разговор?

— Если ты готов, прямо сейчас могу позвонить.

— У вас и телефоны есть?

— Своя станция сотовой связи.

— Круто устроились.

— Привыкай к большому стабу. Так что, можно звонить?

— Можно.

* * *

— Здравствуй, Карат, — с порога произнес высокий светловолосый мужчина.

Улыбка на его лице выглядела на редкость неестественной, ее словно вырезали из розовой резины и небрежно приклеили.

— И тебе привет, не знаю кто.

— Меня зовут Смит. Просто Смит.

— Странное имя для русскоязычного стаба.

— Ну ты же, наверное, знаешь, что прозвище себе выбирать нельзя.

— Женщины могут.

— Слабому полу у нас многое прощается. Кстати — напрасно. Современные женщины сильнее, чем мы, пострадали от последствий навязывания масскультуры. Большинство из них или до отвращения безвкусны, или пребывают в плену бесконечно далеких от реальности заблуждений, касающихся того, что именно приятно мужчинам. В итоге называют себя так, что иной раз едва от хохота не сгибаешься, а это нехорошо, ведь дешевый юмор плохо сочетается с романтикой. Как твое самочувствие?

— Не знаю. Но ваши лепилы говорят, что через два-три дня смогу отсюда выкарабкаться.

— Лепилы? Интересным словом ты назвал наших врачей.

— Давай уже прямо спроси, не доводилось ли мне посиживать в неких весьма отдаленных местах. То есть не чалился ли я.

— Мне больше нравится выражение «топтал зону». Прямо-таки зримые животные ассоциации воображение вырисовывает. Но нет, спрашивать не стану. Все, что было в прежней жизни, в ней и осталось, необязательно это поднимать.

— Но вашей братии такие подробности биографии очень интересны, не так ли?

— Упоминая нашу братию, ты, выражаясь сухим языком воровской малявы, подразумевал ментов-мусоров? Не отвечай, и так понятно. Карат, я всего

лишь человек, который помогает поддерживать порядок на территории, где люди пытаются придерживаться человеческих законов. Скажи мне в прежней жизни, что стану одновременно ментом и контрразведчиком, ни за что бы в такую чушь не поверил. До Улья занимался рекламой, такой вот непредсказуемый зигзаг судьбы.

— А я занимался буровыми работами, и контингент у нас был самый простой, в том числе из бывалых. Тех самых — топтавших зону. Регион у нас такой, своя кадровая специфика. Плюс, как заметил по Кумарнику, блатные словечки у многих рейдеров в чести, а мне приходится соответствовать. Образ жизни навязывает свою лексику.

— Да, язык у большинства скатывается до примитива. Ну так и жизнь у нас простая, лишние сложности не нужны. Я как раз о Кумарнике и хотел с тобой побеседовать.

— Спрашивай. Да только вряд ли что-нибудь новое услышишь, ведь Шуст уже все рассказал, скрывать ему нечего.

— Твой друг не видел главного — самого боя. Рассказал только о последствиях. Хотя мы о них уже знали, одна из разведгрупп провела съемку с дрона.

— У вас свои дроны есть?

— Простенькие, кое-как приспособили гражданские образцы под нужды разведки. Удобно, когда ближе опасаться подъезжать. Съемку успели сделать до появления внешников.

— Туда что, еще и внешники приехали? Ну прям аншлаг...

— Грохотало в Кумарнике на всю округу, они это тоже слышали, у них своя сеть акустических пеленгаторов. Видимо, послали дрон, он снял разбросан-

ные тела, вот и приехали. Целая куча ценного биологического материала, и при этом даже стрелять не надо. Для них — удачная находка.

— Да уж, повезло так повезло.

— Согласен, нечасто им так везет. Ты видел кого-нибудь из Детей Стикса без маски?

— Ты о килдингах?

— Себя они так не называют, это наше прозвище для этих сектантов, чтобы не путать с Детьми Улья. Тоже секта, но куда безобиднее, ее мало где запрещают, а вот килдинги на всех нормальных территориях вне закона. Так видел или нет?

— Двоих: Шило и Сабину.

Смит присвистнул:

— Не знаю первого, но Сабина — личность широко известная в узких кругах.

— Шуст говорил, что она у них вроде верховной жрицы.

— Твой Шуст слишком много знает, а это не всегда хорошо.

— И поболтать любит, а это тоже никуда не годится.

— Согласен — нехорошее сочетание, с таким обычно долго не живут. Насчет килдингов все на уровне слухов, нам неизвестны детали иерархии секты, но Сабина там и правда не на последнем месте. Описать ее сможешь?

— Смогу, но вряд ли это поможет.

— Почему так думаешь?

— Она давно попала в Улей, но при этом выглядела, как уродливая старуха. А ведь стариков здесь нет, возраст быстро откатывает.

— Да, уже через полгода семидесятилетний может выглядеть не старше сорокалетнего.